

Хань Сяо поднял ногу и шагнул в комнату. На большой черной шелковой кровати вытянулось стройное бледное тело. Юноша не спал: в тот самый миг, когда вспыхнул свет, он широко раскрыл глаза. В его чистых зрачках смешались ужас, страх и упрямая нестигаемость.

Как же он прекрасен! Просто истинное творение Бога. С мысленным вздохом Хань Сяо остановился в ногах кровати, опустился на одно колено, протянул руку под простыню, ухватил за тонкие белые запястья и потянул человека к себе.

Юноше, которому заранее ввели большую дозу миорелаксантов, были недоступны даже малейшие попытки сопротивления. Ему оставалось лишь во все глаза смотреть, как между его бедер втискивается другой, сильный и властный мужчина.

Хань Сяо склонил корпус, лаская пальцами щеку Линь Мао.

Да, всё верно. Единственное место, где тому надлежало находиться — это его постель. Он рожден для того, чтобы раздвигать ради него ноги, позволяя брать всё, чего тот ни пожелает.

— Ты... моя. — Хань Сяо легко коснулся губ Линь Мао нежным поцелуем, а затем сместился ниже, целуя путь от подбородка до длинной тонкой шеи. От этих прикосновений тело Линь Мао невольно забилось в дрожи.

Внезапно верхняя половина тела Линь Мао резко дернулась. Он яростно закрутил головой, но не мог освободиться от острых зубов, впившихся в его плоть. Словно боясь, что он не почувствует боли, мужчина поглубже перехватил зубами захваченный кусок кожи и еще сильнее сжал челюсти.

Линь Мао подозревал, что Хань Сяо намерен сожрать его живьем. Страх и ужас полностью завладели его мыслями, а в уголках глаз от боли выступили рефлекторные слезы, мерцавшие кристальными каплями на кончиках ресниц. Хань Сяо выплюнул изо рта почти растерзанную плоть и, подняв взгляд, увидел ту самую слезинку, отразившую холодный блеск.

Хань Сяо подался вперед и кончиком языка слизнул слезу прямо в рот.

— Ты так красив, Линь Мао. Ты настолько прекрасен, что мне хочется сделать из тебя чучело и прибить гвоздями к стене. Тогда я смог бы любоваться твоей красотой изо дня в день.

Хань Сяо произнес это с глубоким, исступленным чувством, в то время как подвергаемый столь жестокому обращению Линь Мао смотрел на него полными ужаса глазами и лицом. Сидевший перед ним мужчина походил на демона, выбравшегося из преисподней, от одного вида которого кровь стыла в жилах.

— Нет, нет-нет... Ты псих. Это же противозаконно! Я засужу тебя, я заставлю тебя гнить в тюрьме до конца твоих дней! — Линь Мао от страха уже несвязно заикался.

— Детка, ты так прелестен. Куда ты пойдешь жаловаться? Ты даже из этой комнаты выйти не сможешь — остаток жизни проведешь на этой постели, подчиняясь моим прихотям. О, ты до того хорош, что моя любовь к тебе сводит меня с ума.

Хань Сяо бредил, словно безумец. В его диком, яростном выражении лица, уставившегося на Линь Мао, сквозил кроважидный оскал, казавшийся предзнаменованием того, что в следующую секунду он разорвет Линь Мао на части и сожрет.

— Псих, извращение, отпусти меня немедленно, а-а-а! — пронзительно и жутко завопил Линь Мао, но в тот же миг его голос резко оборвался.

Рука Хань Сяо, твердая как тиски, намертво зажала рот Линь Мао. При свете ламп жутко и зловеще блеснули его острые зубы. Наклонившись, он припал к самому уху Линь Мао и прикусил его мягкую мочку.

— Мы еще даже не начали, не охрипни раньше времени. Накричишься вдоволь чуть позже!

После внезапного появления лезвия ножа широко распахнутые зрачки едва не лопнули. Линь Мао не мог издать ни звука, его конечности были полностью обездвижены, оставалось лишь молить взглядом, умолять о пощаде, силясь заставить Хань Сяо остановиться.

Ему было страшно. По-настоящему страшно: этот безумец убьет его. А он не хотел умирать, совсем не хотел.

— Малыш, скажи, с чего начнем? Отсюда? — Холодное острие замерло у лопатки Линь Мао.

Нож скользнул дальше.

— ...Или отсюда? — остановившись на груди.

— ...А может, здесь? —

У самого основания бедер повеяло пронзительным холодом. Линь Мао безостановочно трясло всем телом, он с отчаянием мотал головой, изо всех сил мотал головой.

— Пожалуй, начнем-ка отсюда.

Лезвие ловко полоснуло по руке, из раны тут же хлынула кровь. Лицо Линь Мао побледнело, а глаза чуть не вылезли из орбит.

Еще один удар — и вторая рука на том же месте начала сочиться кровью.

Затем последовала нога, грудь, живот — спереди и сзади набежало больше двадцати порезов. И хотя раны неглубокие и не угрожают жизни, Линь Мао от пережитого ужаса остекленел взглядом, полностью лишился рассудка и оставил любые попытки вымалить пощаду.

Нож беззвучно упал на ковер. Глядя на окровавленного юношу, раскинувшегося под ним, Хань Сяо схватил его за тощую талию, приподнял и медленно вонзил уже набухший твердый член в податливую влажную лунку.

Ах! — Хань Сяо испустил удовлетворенный, возбужденный вздох и принялся совершать самые первобытные, размеренные движения.

Душа Линь Мао парила под полуоткрытым окном, устроившись спиной к постели. Видал он извращенцев, но настолько запущенных — еще нет. Встает только на вид крови — весьма оригинальный подход.

Хотя степень восприятия тела держалась в районе тридцати процентов, боль все равно оставалась болью.

Уж лучше бы ему сердце проткнули насквозь, чем подвергать всё тело медленной мучительной казни.

Перенесись он в реальный мир — давно бы уже отдал концы. Только в этом мире романов человеческая жизнь обладает столь невероятной живучестью.

— Общий прогресс — 10%, текущий этап — 40%.

— Два процента? Уверена, что ошибки нет?

— Никакой ошибки...

— ... — И что ему на это ответить? Ха-ха?

Опасные развлечения индустрии развлечений 4

Линь Мао очнулся около полудня на третий день. Стоило ему лишь слегка шевельнуться, как по всему телу волнами прокатилась пронзительная, доходящая до мозга костей боль. От этого невыносимого ощущения у него на добрые несколько секунд перехватило дыхание.

Особенно внизу — в месте, подвергшемся чрезмерному насилию. То ли эта оболочка оказалась слишком хрупкой, то ли орудие Хань Сяо было чересчур толстым и твердым, но на фоне резанных ран по всему телу именно серьезно разорванные интимные места причиняли ему наибольшее мучение.

Его тело привели в порядок и перевязали бинтами, а в тыльную сторону правой руки воткнули иглу, соединенную со стоящей рядом капельницей.

Он лежал навзничь без движения — вовсе не потому, что не хотел двигаться, воля-то оставалась при нем, но этот сосуд был слишком тяжело ранен. Широко открыв глаза, Линь Мао уставился на светло-коричневый потолок. Примерно через час послышались шаги в сторону двери. Линь Мао скосил шею, переведя взгляд в сторону выхода.

Вошел мужчина средних лет в темной одежде, на вид лет сорока, с суровым и холодным выражением лица — чем-то неуловимо похожий на ту женщину, что делала ему клизму в первый день. Наверняка один из подручных Хань Сяо. Уголки губ Линь Мао дернулись. Раз Хань Сяо здесь не было, он не собирался тратить лишние душевные силы на какого-то второстепенного NPC.

Чрезмерная тишина юноши на кровати на мгновение удивила дворецкого. Нормальный человек, вне зависимости от особенностей своей сексуальной ориентации, столкнувшись с подобной жестокостью и насилием, едва ли не рассудком тронулся бы — по крайней мере, закатывал бы истерики и бунтовал дня три-четыре. А этот юноша молчал, безмятежный, словно кукла. Если бы не живой блеск в глазах и не отсутствие признаков помешательства, дворецкий и впрямь мог бы подумать, что того замучили до безумия.

Дворецкий вошел в комнату с тарелкой обеда в руках, подошел к кровати Линь Мао и осторожно приподнял его, стараясьшний раз не задевать раненые места. Хань Сяо проявил хоть какое-то милосердие, не исполосовав Линь Мао спину — сумеет он и это, бедняга мог бы теперь сидеть разве что на подушке.

В качестве еды принесли лишь миску каши: с учетом нынешнего состояния Линь Мао годилась только жидкая пища. Руки Линь Мао были наглухо замотаны толстыми слоями бинтов и не двигались, поэтому дворецкий одной рукой держал миску, а другой зачерпывал ложку за ложкой, покорно поднося еду ко рту.

Линь Мао послушно ел, и вскоре миска опустела.

Дворецкий собрал посуду, собираясь уходить, как вдруг лежавший на постели юноша тихо произнес:

— Спасибо.

Движения дворецкого на секунду замерли. Повернувшись к нему спиной, он быстро вышел из комнаты, плотно затворив за собой дверь.

Жидкость во флаконе подошла к концу. Посреди дня дворецкий зашел, чтобы вытащить иглу, и вновь не обмолвился ни единым словом: быстро вошел, быстро вышел, словно пациента вовсе не существовало. Тело Линь Мао все еще оставалось очень слабым, и вскоре он снова

провалился в полузабытье.

Глубокой ночью, в неизвестном часу, его разбудила жуткая боль.

Не до конца заживший задний проход до отказа заполнил какой-то твердый предмет, и хрупкая внутренняя слизистая оболочка вновь разошлась от трения. В воздухе повеяло слабым запахом крови. Линь Мао приоткрыл веки и увидел перед собой крупное лицо в упор. Опустив взгляд ниже, он разглядел налитый кровью, толстый и багровый детородный орган, что ходил туда-сюда внутри его тела. Подобное положение дел нравилось ему меньше всего: половой акт уже шел полным ходом, и отделять душу теперь было практически бесполезно. Тело, конечно, принадлежало не ему, и переносить боль в целом удавалось, но оставаться в положении абсолютного подчинения, будучи снизу у чужого человека и не имея возможности сопротивляться — вне условий ролевой игры — вызывало у него крайне скверные чувства.

Впрочем, неприятно — не неприятно, а свою роль он помнил отчетливо, прекрасно понимая, что и когда следует делать, а чего делать не стоит. К счастью, Хань Сяо не включил свет: с таким взглядом, какой Линь Мао бросил на него секунду назад, у того немедленно возникли бы подозрения.

Опустив ресницы и уняв неуместные эмоции, Линь Мао в мгновение ока вернулся в образ.

Когда он вновь поднял глаза, его черные зрачки уже потопали в боли и отчаянии.

Осипшим голосом он повторял из раза в раз одни и те же слова: «Не надо», «Мне больно», «Прекрати».

Психологическая травма, нанесенная Хань Сяо, пожалуй, останется с ним до конца дней. Пусть он и был геем, и мужчины действительно привлекали его, но в самые страшные кошмары ему не могло присниться, что его первый раз случится столь изуверским образом.

Совершив в стремительном темпе последний свирепый и глубокий толчок, Хань Сяо принялся сминать и скручивать покрасневшие бутоны на груди Линь Мао, изливая семя глубоко внутрь его тела.

Извержение кончилось, но Хань Сяо не спешил вынимать член. Он по-прежнему глубоко погружал его в горячее, влажное кольцо прохода: после стольких яростных толчков оно осталось все таким же тугим и тесным, как в самом начале. И в этом больше не оставалось сомнений — это тело было создано исключительно для него. Какая интересная вещь, какой интересный человек.

Хань Сяо подался вперед, заставляя упятанный в глубине тела твердый предмет войти еще на пару дюймов. Лежащий под ним человек издал едва слышный стон и сдавленные рыдания. Хань Сяо пропустил руку вокруг обнаженной талии юноши, притянул к себе и приподнял.

Нижние части их тел по-прежнему оставались соединенными. В этом тесном положении Хань

Сяо закинул прямые стройные ноги юноши себе на бедра, а затем встал с кровати. Из-за такого положения весь вес юноши пришелся на место их соединения, и находившийся глубоко внутри предмет проник на беспрецедентную глубину. Подойдя к двери, Хань Сяо включил свет. В лучах лампы он пристально посмотрел на юношу, которого продолжал нанизывать на себя. Тот безвольно свесил голову, тонкие ресцы отбрасывали едва заметную тень на нижние веки, а бледная, худая шея была выставлена напоказ, источая какую-то жутко прекрасную, притягательную хрупкость. Он искусал нижнюю губу до мяса, а по лицу непрерывно текли слезы.

От яростных движений некоторые раны снова открылись, проступила кровь и пропитала бинты. Вид крови еще сильнее распалил желание Хань Сяо. Подхватив юношу на руки, он подошел к окну, прижал его грудью к подоконнику и начал новый круг жестокой расправы.

Сяо Хуан Шу парил в воздухе, глядя на Линь Мао мрачным взглядом. Его зрачки сузились, а от самой его души веяло холодом.

— В сюжете упоминалось об этом? У Хань Сяо серьезные наклонности к насилию?

— Не упоминалось!

— Тогда почему?

— Отсутствие упоминания не значит, что этого нет.

— Ха, снова Законы мира строят козни?

— Нет.

— Тогда...

— Я тоже не знаю, на стороне Законов нет ответа.

Линь Мао посмотрел на продолжающееся у окна откровенное представление, развернулся и сел обратно на деревянный табурет. Он прошел через пять миров романов, безупречно воплотив образы пяти разных по характеру и происхождению презренных омег, и этот раз не должен стать исключением. Он добросовестно сыграет свою роль до конца, а затем спокойно отправится в следующий мир.

В этом не было никаких сомнений, и это не подлежало обсуждению.

Эта ночь, начавшаяся с крошечной тьмы, продлилась до самого рассвета, и ее неизбежным последствием стало то, что у Линь Мао поднялась высокая температура. Он пребывал в полубессознательном состоянии, потеряв счет дням и ночам, а его раны то и дело воспалялись. Он пролежал в постели почти полмесяца, прежде чем в его голове снова прояснилось. Что же до его тела, то, не получая толком ни еды, ни воды, он исхудал до неузнаваемости: подбородок заострился пугающе сильно, и на обращенные к нему слова он реагировал лишь спустя долгое время. На этот раз он действительно был близок к тому, чтобы превратиться в послушную, разучившуюся думать марионетку.

Но даже несмотря на это, Хань Сяо не отпустил его. По совету семейного врача он сократил частоту интимной близости, однако каждый раз предавался ей с такой свирепой жестокостью, что Линь Мао потом три дня не мог встать с постели.

Хань Сяо поселил Линь Мао в своем особняке, превратив в личную игрушку. Он всё так же позволял Линь Мао ездить на работу в больницу, но стоило раздаться одному звонку — даже если Линь Мао только-только вышел из операционной и его ноги еще немели и не держали тело, — тот был обязан немедленно вернуться в особняк. Зачастую он даже забывал сменить белый халат. По возвращении к Хань Сяо всё обычно заканчивалось тем, что тот грубо хватал его, втискивал в диван в гостиной и продолжал заниматься этим прямо по дороге в ватную комнату. Линь Мао в белом халате сильно отличался от самого себя в обычной одежде — по крайней мере, так считал Хань Сяо. Одним из его личных пристрастий было расстегивать пуговицу за пуговицей на воротнике одежды Линь Мао, пока тот не оставался абсолютно голым.

Хань Сяо делал откровенные фотографии Линь Мао и записывал их постельные видео, разумеется, не показывая собственного лица. Если бы эти материалы вышли наружу, Линь Мао мог бы даже не мечтать о работе в больнице — его бы просто заживо сожрала людская молва. У Линь Мао не было пути назад, не к кому было обратиться за помощью, и ему оставалось лишь поневоле оставаться рядом с Хань Сяо, снося бесконечные унижения и растоптание.

Хань Сяо пригласил на дом профессионального дизайнера, чтобы тот снял мерки с Линь Мао, а затем сшил на заказ роскошную одежду, заполнившую целый шкаф во всю стену. Время от времени он брал Линь Мао с собой, в основном на закрытые частные вечеринки, где Линь Мао тихонько играл роль послушной игрушки, которой велят идти на восток — она не пойдет на запад, а прикажут лечь — ни за что не останется стоять.

Лишенный свободы и достоинства, он уже больше двух месяцев был заперт рядом с Хань Сяо, а раннее лето сменилось знойной жарой. Линь Мао в тонкой рубашке сидел на каменной скамье у входа. Во двор был пустынным, время от времени с ветвей срывался и падал сухой желтый лист. Линь Мао раскрыл ладонь: кожа на ней была настолько тонкой и хрупкой, что сквозь нее при желании можно было рассмотреть синие кровеносные сосуды.

Дворецкий в строгой форме стоял неподалеку и холодно следил за ним — в этом надзоре всегда было куда больше слежки, чем простой заботы.

Пересохшие, шелушащиеся губы Линь Мао слегка сжались, и в прежде тусклых, безжизненных глазах постепенно зародился острый холод.

— Последний прогресс и следующий фрагмент сюжета.— Общий прогресс пятнадцать процентов, развитие сюжета — сорок. В дальнейшем Хань Сяо возьмёт Линь Мао на день рождения к другу, то есть к третьему мерзавцу-завоевателю Цяо Юэ. Там Цяо Юэ тоже положит глаз на Линь Мао и попросит Хань Сяо одолжить ему человека поиграть на пару дней, предложив в качестве отступного лимитированный спорткар. Хань Сяо не согласится, между ними возникнет напряжение. На обратном пути у машины, в которой ехали Линь Мао и Хань Сяо, откажут тормоза, оба потеряют сознание прямо на месте, а Цяо Юэ увезет Линь Мао, оставив Хань Сяо лежать на дороге безо всякой помощи. У Цяо Юэ тяжёлые склонности к садизму и страсть ко всякого рода приспособлениям, так что Линь Мао проведёт у него больше месяца, подвергаясь жестоким издевательствам, пока в конце концов Хань Сяо не спасёт его. К тому моменту он уже сойдёт с ума, потеряет память и перестанет всех узнавать.

— Могу я спросить, кто автор?

— Сама великая Хуан Лян Чжу Бай Роу!

— Я её запомнил.

— Презренный Сяоу, ты что удумал?

— Угадай!

— А-а-а, презренный Сяоу, говорю тебе, эта романтическая драма о жестокой любви — вершина творчества великой Бай Роу, не смей нападать на неё!

— Какой у тебя там орган услышал, что я на неё нападаю?

— Оба органа и слышали!

— Ты уверен... что они у тебя есть?

— А-а-а, презренный Сяоу, я буду биться с тобой насмерть!

Сяо Хуан Шу взмыл в воздух и яростно бросился на Линь Мао. Тот легко взмахнул рукой, будто отгонял надоедливую комару, и Сяо Хуан Шу отлетел прочь.

Стоявший рядом дворецкий заметил его резкое движение, и его взгляд слегка потемнел. Линь Мао склонил голову набок, а уголки его губ искривила демоническая, зловещая улыбка.

Развлекательное ЧП 05

Поскольку в последнее время Линь Мао чуть ли не каждые несколько дней отпрашивался с работы по болезни, ссылаясь на недомогание, остальные сотрудники отдела выражали немалое недовольство. С другой стороны, неоспоримым фактом оставалось и то, что Линь Мао с каждым днем становился всё тоньше и слабее, а его жизненные силы угасали — казалось, он мог рухнуть и отдать концы в любой момент.

К тому же во время операций его собственное состояние порой оказывалось куда хуже, чем у пациентов на операционном столе, поэтому начальство отдела в итоге выписало ему долгий отпуск на два месяца, чтобы он как следует подлечил здоровье дома.

Это избавило Линь Мао от необходимости придумывать предлоги, чтобы скрывать своё нынешнее положение.

Однако прямым следствием этого стало то, что он безвылазно сидел в особняке Хань Сяо: если тот не брал его с собой, Линь Мао практически не покидал дом. То он бездельничал на каменной скамье у ворот, то устраивался в плетёном кресле на балконе второго этажа, а его жизнь была простой и тоскливой, словно у семидесятилетнего старика.

В один из дней после проливного дождя в воздухе еще витал пресный запах свежей травы, когда не было еще и семи часов вечера, Хань Сяо вернулся домой на машине.

Густо-красные железные ворота медленно разъехались в стороны, и внедорожник — такой же властный и агрессивный, как сам Хань Сяо, — влетел во внутренний двор.

Едва машина остановилась, водитель тут же обошел её, открыл дверь для Хань Сяо, и крепкий, суровый мужчина быстрым шагом направился вверх.

Там в плетёном кресле сидел Линь Мао, одетый в домашнюю одежду. Рядом с ним стояла чашка уже совсем остывшего чая. Его тусклый, лишённый всякого блеска взгляд был

устремлен куда-то вдаль.

Услышав знакомый тяжёлый шаг, его до того спокойное тело забилося в мелкой дрожи. Страх, который внушал ему Хань Сяо, полностью отпечатался на окончаниях каждого нерва. Одно лишь присутствие этого человека заставляло его трепетать от ужаса.

Хань Сяо вошел в главную спальню, обвел комнату взглядом и быстро заметил на балконе фигуру, сидевшую к нему спиной. Молодой человек держал спину прямо — очевидно, догадался, что он вернулся.

Шагнув вперед, Хань Сяо наклонился, и его сухая, сильная ладонь легла на плечо Линь Мао. Ощутив исходящую от него слабую дрожь, мужчина тронул суровое лицо лёгкой усмешкой.

Наклонившись еще ниже, он приблизился к уху юноши и легонько прижался губами к покрасневшей мочке, а влажное и горячее дыхание коснулось хрупкой, бледной шеи совсем рядом.

— Переоденься в что-нибудь посимпатичнее, вечером я отвезу тебя развлекаться.

Линь Мао оцепенело повернул голову и встретился взглядом с хищными глазами Хань Сяо. Внутри у него всё затрепетало, губы едва заметно шевельнулись, после чего он послушно побрел в комнату. Открыв шкаф, он выбрал среди множества изящных нарядов комплект поскромнее. На сердце у него все еще скребли кошки: во время одной из прошлых вылазок в свет Хань Сяо сам подобрал ему костюм. Когда они шли среди толпы, многие взгляды приковывались к его лицу и телу, вызывая жуткое ощущение, будто все вокруг — будто весь мир — знает, что он стал наложником Хань Сяо. Ему хотелось провалиться сквозь землю от стыда.

Прижав выбранную одежду к груди, Линь Мао бросил взгляд на Хань Сяо. Мужчина неотрывно сверлил его полным агрессивного вторжения взглядом. Опустив глаза и спрятав лицо, Линь Мао положил одежду на край кровати, повернулся к Хань Сяо спиной и, теша себя иллюзией, что невидение партнера делает того несуществующим, поднял руки и расстегнул пуговицы на тёплой куртке. Поспешно сбросив её, он подхватил рубашку, натянул её на тело и принялся быстро застёгивать пуговицы снизу доверху. Добравшись до двух последних, пальцы Линь Мао судорожно согнулись, и он прекратил движение.

Избавившись от теплых штанов, Линь Мао действовал еще быстрее: в два счёта стянул их и переоделся в строгие брюки.

<http://bllate.org/book/22143/2307058>